

Самые страшные войска / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

Самые страшные войска / рассказ САМЫЕ СТРАШНЫЕ ВОЙСКА

(моим армейским сослуживцам посвящается)

Ах, как же мне порой хочется, на правах инженера человеческих душ влезть в какую-нибудь красивую женскую головку и посмотреть, какие мысли витают там. Что та или иная дамочка думает лично обо мне, по каким критериям она оценивает мужчин, да, о чем она вообще думает. О карьере? О шмотках? О том, как закадрить или просто удержать какого-нибудь мужика? О том, что все мужики – козлы? Что на уме у красавицы и о чем думает девушка, хм, хм, с проблемной внешностью? Или начальница, дающая подчиненному откровенно идиотские поручения? Или динамщица, стремящаяся втянуть последнее? Как блондинистость

женщины влияет на ее умственные способности и влияет ли, вообще? И многие другие животрепещущие вопросы.

В том, что женщины умнее мужчин, лично у меня нет ни малейших сомнений, но, вот, о чем думают эти прекрасные создания – загадка, над решением которой бьется не одно поколение мужчин, особенно мужчин творческих, наделенных пытливым умом, горячим сердцем и чем-то еще. Это «что-то» порой очень уж хочется приткнуть в хорошенькое местечко, но, получается, увы, не всегда, нет в мире совершенства. Конечно, о некоторых вещах можно спросить и у самих женщин, однако, ответы, скорее всего, будут столь же искренними, как и реплики на партсобрании времен застоя и соцреализма. Остается одно – наблюдать жизнь во всех ее проявлениях, и уже на основании увиденного делать какие-то выводы.

В Татьянин день седьмая и восьмая группы второго курса собралась в общежитии, практически в полном составе собрались в комнате у Вовки Гаврика, бойкого худенького паренька из Полтавы, чтобы отметить сдачу сессии, для кого-то успешную, а для кого-то – не очень. По сравнению с квартирой общежития имеет ряд преимуществ. Во-первых, отсутствие назойливого контроля со стороны предков. Во-вторых, понимание со стороны соседей, также склонных устраивать шумные посиделки, с огромным количеством алкоголя, орущей музыкой, и девочками из все той же общежития, которых пригласили «на тортик», «послушать музыку» или «попить мартини», купленный на последние, оставшиеся от покупки двух литров водки, деньги, тоже большой плюс. Ага, можно подумать, что музыкой все и ограничится, но, если правильно попросить, то девицы придут, делая вид, что идут исключительно для того, чтобы «откусать тортик». Что поделаешь, наш мир пропитан кучей условностей и никуда ты от этого не денешься. Далеко не всегда можно и нужно называть вещи своими именами.

Надо сказать, времена были тяжелые, начало девяностых. Одна часть обывателей горевала по почившему с миром Союзу, другая свято верила в то, что когда-нибудь, лет через двадцать, в стране непременно воцарится капиталистический рай с горами дешевого шмотья и ширпотреба, кучей телеканалов, кварталом

красных фонарей, тотальной толерантностью ко всему на свете и прочими буржуазными прелестями. Но, молодежи, в особенности, студенческой, свойственен оптимистический взгляд на вещи. Вот, в конце весны сдадим еще одну сессию, а там лето, пляж, море, новые интересные знакомства, вино, водка, жаркие поцелуи, и, прочие радости жизни. О чем думают женщины, я не знаю, зато прекрасно знаю, о чем думаю я. Главным образом, о еде и о сексе. И нисколько не стесняюсь этого. И очень злюсь, когда того или другого в моей жизни начинает катастрофически не хватать либо же кто-то имеет наглость отрывать меня от приятных мыслей.

Сдача сессии отмечалась с размахом. В ларьке, потому, что так дешевле, была куплена водка, в гастрономе напротив – шампанское, на местном базарчике – мясо, продукт, который исключительно необходим мужскому организму, и, в разумных количествах, не помешает женскому. Бойкая полтавчанка Оксана и еще пара «хороших девочек» жарили отбивные и ножки Буша. Галка, Вика и Марина делали бутерброды. Надя с Людой раскладывали по мискам салаты, как принесенные из дому, так и сделанные на месте. Двое парней открывали консервные банки. Еще двое резали хлеб. Прочие прохлаждались. Кто-то курил, кто-то заигрывал с девушками. Кстати, некоторые девицы из киевских, по случаю холодов, явились на вечеринку в меховых шубах, демонстрируя высокий материальный достаток своих родителей. Двоих парней староста седьмой группы послал в магазин за майонезом, лимонадом и хлебом. Некоторых пришлось искать на втором этаже в комнате у девушек с третьего курса. Наконец, все приготовления остались позади и праздник начался. Тосты. Танцы, то бодрое кривляние под громкую музыку, то медляк. Такого рода мероприятия хороши не только тем, что на них можно отдохнуть и «оттянуться по полной», на других посмотреть и себя показать, это еще и возможностью поближе сойтись с кем-то или, по крайней мере, «прощупать почву», перед тем, как начинать чего-то мутить... Ничто так не сближает мужчину и женщину, как совместное распитие алкогольных напитков, а уж медленный танец порой называют вертикальной репетицией полового акта. (Ах, если бы все было так просто).

В процессе празднования наметилось несколько новых парочек в дополнение к уже имеющимся. Кто-то кого-то уже пошел провожать. Что поделаешь, некоторые родители не разрешают гулять слишком долго, да, и мобильных телефонов тогда еще не было. Кто-то с кем-то уже целовался. Кто-то только искал укромный уголок, а кое-кто уже перешел от поцелуев к более активным действиям. Юра Зубко куда-то повел Оксану. Скорее всего, пока еще только целоваться. Оксана – девушка достаточно строгая. Несколько парочек обжимались по темным углам. Староста седьмой группы куда-то исчез, возможно, уединился с кем-то в своей комнате этажом выше.

Леша Цыганов откровенно завидовал наглости и проворству отдельных товарищей. Особенно, по части общения с дамами. У самого Леши личная жизнь пока что не складывалась, как порою думал он сам, не заладилась. Ему нравились некоторые девушки, но, он до сих пор ни с кем толком и не встречался. Пару походов в кино с одноклассницей еще до армии, да краткосрочный роман с медсестрой из больницы в городе, где он служил, вот и все, что он мог занести себе в актив.

Сейчас Леша оказался за столом рядом с Наташкой Шестаковой. Вот Наташа ему, как раз, нравилась. Больше остальных девушек. Но, не зная, как подкатить, Леша держал дистанцию. Наташа являла собой типичную «хорошую девочку», отличницу, которая стремится строго соблюдать правила. И явно очень высокого мнения о себе. В годы застоя таких часто выбирали секретарями комсомольских организаций. Серьезная, аккуратная, она напоминала сильно увеличенную детскую куклу (не худосочную Барби, а простую совдеповскую куклу, только с нормальными женскими пропорциями) или подростковую Мальвину, избавившуюся от мелочной опеки Карабаса Барабаса. Блондинка с большими голубыми глазами, пухлыми губками и маленьким, аккуратным носиком. Рост – приблизительно метр семьдесят или чуть больше. Статная. С хорошо развитыми формами, довольно крупным бюстом и широкими бедрами. Алексею всегда нравился такой тип женщин, но, влюбиться – дело нехитрое, тем более, когда тебе всего двадцать два, а рядом с тобой сидит такая красавица, куда сложнее самому понравиться, кому надо. Что же касается Наташи,

то здесь Алексей оценивал свои шансы, прямо скажем, не очень высоко. Собственная внешность временами вызывала у него определенное недовольство. Невысокого роста, те же метр семьдесят. Лицо... Позже некоторые дамы говорили, что у него, якобы, красивое мужественное лицо, но, если бы его попросили оценить собственную внешность, то он оценил бы ее, как «на любителя», кроме того, опять же, личная жизнь пока почему-то не складывалась. На подготовительном отделении ему очень нравилась одна девица из общаги, но, в процессе ухаживаний выяснилось, что та уже занята, в том смысле, что уже спит с другим парнем. Четыре раза в неделю Леша ходил в тренажерный зал, где занимался пауэрлифтингом. Собственным телом он был, в целом, доволен, но, подозревал, что Наташа считает его просто тупым качком-гопником. Да и с чего она должна обращать внимание на него, когда на их курсе полно высоких, симпатичных парней, бойких и уверенных в себе? Наташа, вроде бы, ни с кем не встречалась, но, имела привычку капризно надуть губки, а также, разговаривать с Лешей в иронично-высокомерном тоне, словно делая одолжение.

Сидевший на противоположном конце стола, староста восьмой группы, почти двухметровый днепропетровец Саша Кулешов, под громкий хохот рассказал коротенькую историю из разряда «один раз у нас в армии». Леша бросил взгляд на свою соседку. Та (как ему казалось), демонстративно отвернувшись от него, разговаривала с Женькой Самохваловым, шустрым парнем из Дарницы

– А вот у нас в армии – тоже сказал Алексей, глядя на рассыпавшиеся по плечам прелестные светлые локоны.

Там, где он служил, было много черных. Узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены, азербайджанцы. Как сказал слушавший в погранцах Юра Зубко, «вокруг черным черно». Порой некоторые моменты вызывали непонимание и приводили к конфликтам. Разный менталитет и все такое. Из-за жары приходилось пить особый чай из верблюжьей колючки, не особо приятный на вкус, зато, хорошо утоляющий жажду. Пить сырую воду было нельзя – можно подхватить гепатит или дизентерию. Заняв очередь, Алексей ненадолго отошел перемотать портянку.

Вернувшись, стал на то же место.

– Ты что, Цыганов, уже савсем борзий? – сердито процедил стоявший сзади него киргиз Кибекчиев, маленького роста, но очень широкий в плечах, с большой головой и большими кулаками – а ну, отойдем, пагаварым.

Они отошли за вагончик. Киргиза вывело из себя то, что Леша встал в очередь перед ним. («Ты думаешь, ты тут борзий, да?»). Леша попытался объяснить, что он еще раньше занял очередь, но, кажется, Кибекчиев вообще не понимал, что это такое. Его узкие глаза наливались кровью. Неожиданно он ударил Лешу левым боковым. Оплеуха получилась довольно увесистой. Леша переложил фляжку из правой руки в левую и ответил хуком справа. Схватившись за щеку, киргиз взвыл.

– Эй, вы, оба, а ну-ка, быстро ко мне – раздался рядом резкий, словно удар плети, мерзкий окрик.

Повернувшись, Алексей увидел сержанта Чиркова, двадцатипятилетнего крепыша-сибиряка с физиономией уголовника. Таких типов чаще всего и ставили сержантами, особенно, при наличии психопатических наклонностей, весьма ценимых командованием в сержантах и ефрейторах.

– Он первый ударил, я только дал сдачи – испуганно залепетал Леша, но, сержант не стал разбираться, кто второй, кто первый, а просто хорошенько заехал обоим в грудную клетку, после чего, грязно выругавшись, и буравя белесыми, словно выцветшими, глазами велел бегом «упасть в строй».

Киргиз вполголоса пообещал Алексею «разобраться». Остальные бойцы его отделения, практически все родом из Средней Азии, неодобрительно шипели. Правда, в тот раз, вроде, все обошлось. Да и с киргизом они помирились.

В армии нужно ежесекундно «следить за базаром», иначе нарвешься на неприятности. Когда Леша нарисовал стенгазету, его талант заприметили. Один дед попросил его нарисовать для дембельского альбома бабу с караваем на подносе и надписью «Милости просим» или что-то, вроде того. Решив не отказывать, Алексей, сидя на заборе возле КП части, рисовал эскиз, статную, грудастую женщину не то в платье, не то в сарафане. Но, тут туркмен Кервенов, черпак, то есть, отслуживший уже

год, взяв рисунок «посмотреть», пририсовал женщине соски, да еще так похабно, что рисунок оказался безнадежно испорчен. Сгоряча Леша обозвал Кервенова козлом. Тот на полном серьезе пообещал убить. Чуть позже, когда они зашли в вагончик, чтобы переодеться, туркмен набросился на Алексея. Тот не остался в долгу, заехав Кервенову кулаком в нос. Алексей бил, стараясь попасть по голове, низкорослый и слабосильный, зато, весь какой-то скользкий и вертлявый, Кервенов царапался, словно дикий кот. Алексей повалил его на пол, и тут их растащили. С тех пор у него на правой щеке остался небольшой, еле заметный шрам. (Наташка пристально посмотрела на Алексея).

Следует отметить, что служба в армии имела крайне мало общего с тем, что рассказывал военрук на уроках начальной военной подготовки. Так, прапорщик Максимушки имел обыкновение по ночам по несколько часов устраивать отбой-подъем, вымещая негатив, накопленный во время карьеры прапорщика.

— А, так у вас в части, наверное, была дедовщина? — неожиданно человеческим голосом промолвила кукла. Откуда она знает такие слова? Небось в журнале вычитала?

Дедовщина присутствовала, однако, была развита не слишком сильно, в том плане, что тесно переплеталась с землячеством и неким социальным дарвинизмом, когда сильный помыкает слабыми. При таком положении дел большинство солдат худо-бедно поднимаются вверх по иерархической лестнице. Кто-то быстрее, кто-то медленнее. Но, есть и такие, что до самого дембеля моют полы, а есть такие, что с первых же дней службы начинают тиранить других. Люди разные как по характеру, так и по своим физическим возможностям. И дедовщина, в правильном понимании этого слова, в какой-то степени их уравнивает. Большинству солдат она даже выгодна. Конечно, в разумных пределах. Там, где нет дедовщины, человек вынужден все два года кулаками завоевывать себе авторитет. Не хочешь делать сам — заставь делать другого! — гласило главное правило.

— Какая жесткость — воскликнула Шестакова и добавила — а, от тебя сослуживцы не плакали, нет?

Наташка ехидно улыбалась. Похоже, она реально считает его тупым качком с агрессивным характером. Конечно, рядом с

большинством сдешних задохликом он смотрится пришельцем с другой планеты, но, неужели она думает, что в армии он был самый крутой? В каком-то смысле, это немного льстило его самолюбию, с другой, не соответствовало действительности. Чмошником он себя не считал, но и не борзел. Были ребята покруче. Да и смысл? Чморить слабых, чтобы показать собственную крутизну? Кому-то что-то доказывать? Он в армии временно. Отслужил – и домой. Интересно, какие парни ей нравятся? Красивые, как Ален Делон и, при этом, мягкие, как пластилин?

Одно время после отбоя несколько представителей «борзоты», такой армейской аристократии, ходили по казарме, поднимали кого-то из духов, били, после чего закидывали обратно на койку. Таким образом они развлекались, а также, заранее запугивали тех, в ком видели потенциальную способность к сопротивлению.

– Э, а ну, вставай, душара!

Алексей не успел понять, что происходит, как на него уже посыпались удары.

– Эй, ну, хватит ему уже – проворчал спавший в паре метров от него сержант Чирков, отсидевший несколько лет на малолетке и еще несколько лет на взрослой зоне.

– А ты вообще заткнись, а то сейчас тебя рядом с ним поставим!

– огрызнулся один из нападавших, ингуш Евлоев.

Выходцы с Северного Кавказа составляли в армии некую особую касту, живущую по своим законам. Некоторых чеченцев даже сами офицеры боялись. Иногда славяне собирали большую команду (в которую порой входили и неславянские народы – армяне, грузины, азербайджанцы, казахи) и шли махаться с вайнахами. В нескольких компактно расположенных частях верх держала чеченская мафия. Однажды в часть пришел сержант из учебки, молодой кабардинец, сразу получивший от чеченцев поддержку, своего рода, ярлык на княжение. Как-то он решил заставить мыть пол одного таджика. Мытье полов вообще считается унижительной, грязной работой. Полы заставляют мыть всех или почти всех. Если человек не моет полы, значит, он крут. Сержант-кабардинец пинками и зуботычинами заставлял таджика мыть пол, тот

отчаянно сопротивлялся. А вокруг шастали его земляки, и говорили на своем наречии что-то, вроде «Не мой пол, не пой пол». Вспылив, сержант несколько раз сильно ударил таджика по лицу. Тот убежал. Но, вскоре вернулся. С ножом. Подбежал к сержанту и пару раз пырнул в плечо. Зажимая кровоточащую рану, кабардинец побежал в санчасть. Был вечер. Дежурным по части оставался молодой высоченный летеха-белорус, недавно закончивший военное училище. Кабардинца увезла скорая. А, что делать с таджиком? Здравый смысл подсказывал летехе, что парня нужно срочно спасти от кавказской мести. Скажу сразу, он не ошибся. Летеха завел таджика в ротную канцелярию. Открыл шкаф, выдвинув большущий нижний ящик, заставил залезть туда. Невероятно, таджик сам был довольно приличного роста, но, как-то поместился, страх за свою жизнь порой творит чудеса. Летеха запер шкаф на ключ, затем закрыл на ключ канцелярию. И тут кто-то похлопал его по плечу.

– Где он?

Сзади стояли двое чеченцев, пришедших по бедную таджикскую душу. Летеха попытался включить дурака, мол, не знаю, о чем вы, но, когда с ним заговорили чуть жестче, сразу отдал ключи и от канцелярии, и от шкафа.

– Погуляй пока.

Бедолага-таджик получил сотрясение мозга и двойной перелом челюсти. При том, что чеченцы пообещали еще навестить его в госпитале. В часть сразу же прикатила еще одна скорая.

Алексей полагал, что ему очень повезло в том, что он попал в первую роту, а не в третью. В третьей роте несколько человек изо дня в день, все два года мыли полы и делали другую грязную работу. Еще несколько человек постоянно ходили в наряды. Как говорится, через день на ремень. Некоторые принимали участие в различных хозработках. Прочие – вконец распоясавшаяся борзота, которая ничего не делала, а только устраивала всевозможные склоки.

– Они что, действительно, такие плохие, как ты рассказываешь? (Ого, кажется, она проявляет некоторую заинтересованность.

– Не они плохие, система такая.

Многие вещи внедрялись сверху. Офицеры и прапорщики

перекладывали все на сержантов, дедов, «борзоту», иногда старались опираться на «профильные» землячества, с тем, чтобы самим делать как можно, меньше. При этом сами они усиленно делали вид, что все это порядке вещей. На солдат офицерам было плевать. Главное – внешние атрибуты, вроде кантиков на постелях, кроватях, выровненных по нитке и хождения строем, да еще, чтобы план кое-как выполнялся. Рабовладельческий строй в несколько модернизированном виде. Главное, делать вид, что все хорошо, даже, если в реальности куда ни вступи, попадешь в дерьмо собачье. В Советском Союзе, дни которого были уже сочтены, многое делалось исключительно напоказ.

Некоторые солдаты сбегали, не выдержав тягот такой службы. Люди зверели. Межличностные взаимоотношения зачастую принимали жесткий, бескомпромиссный характер. С одним узбеком Алексей не мог пройти мимо, чтобы кто-то кого-то не зацепил, или он узбека, или узбек – его. Еще духом Алексей схлестнулся с черпаком Глазовым, который вечно его доставал. Леша считал, что проблемы лучше тушить в зародыше. После той драки Глазов с сотрясением мозга отправился в санчасть.

– И правильно сделал – Наташка одобрительно улыбнулась – нечего позволять всяким придуркам садиться себе на шею. (В этом было уже что-то новенькое)

– Я вижу, ты меня понимаешь. Давай выпьем – предложил он – За взаимопонимание.

– Давай. Только, мне немножко. Все, все, мне хватит.

Он налил ей шампанского, и портвейна себе. Водку пить не хотелось. Потом дышать на девушку перегаром... Может, пригласить ее на танец? Или, чуть позже? Или, лучше сейчас?

– Потанцуем? – стараясь держаться непринужденно и одновременно удивляясь собственной наглости, предложил он.

– Ну, хорошо.

Наташка, словно нехотя, поднялась со стула. Античная статуя сошла с пьедестала, чтобы немножечко пообщаться с простым смертным. Сквозь тонкую кофточку соблазнительно просвечивало тело, а в меру короткая юбка позволяла лишний раз убедиться в том, что у Наташи красивые ноги. Алексей невольно подумал, что классно было бы оказаться с этой красавицей в одной постели,

но, такую еще попробуй уговорить. Наверное, там любой неверный шаг может вызвать резкое недовольство с ее стороны. Плюс куча капризов девицы, сознающей себя красавицей. Хотя, он-то ведь даже не пробовал.

Еще одному сослуживцу, Сергееву, Алексей с одного удара поломал нос. Ситуация была довольно идиотская. Тот выделываясь, залепил Алексею пощечину, Алексей отреагировал. Но, это было уже в Челябинске, куда Лешу и еще несколько солдат отправили работать на экскаваторный завод. Там бытовые условия были немного получше. Питание в гражданской столовой, проживание в комнатах по четыре человека. Работа не на стройке, а в цеху, пусть и не отапливаемом. Впрочем, отношения между людьми были такими же жесткими, как и в части. Хотя, в армии самыми трудными были только первые несколько месяцев. Потом как-то привыкаешь и на многие вещи перестаешь обращать внимание.

То ли, из-за вороватых прапорщиков, то ли, еще по какой причине, в части кормили, мягко говоря, не очень. Иногда, еще куда не шло, иногда просто гадко. С тех самых пор Леша терпеть не мог перловую кашу, так называемую, шрапнель. Солдатская чайная почти никогда не работала. А, когда работала, там не было ничего, кроме черствого печенья да соков годичной давности. Конечно, в Челябинске с едой было получше. Питание в гражданской столовой плюс возможность отовариваться в магазинах на присланные из дому деньги. Вот только деньги приходилось прятать, так как, в коллективе периодически заводились крысы. Оставишь деньги в кармане хэбэ, переоденешься в спецовку, вернешься – а карманы уже пусты. Когда у него заводились денежные знаки, ночью Алексей для надежности клал хэбэ под матрас.

– А, в первые несколько месяцев у меня, вообще, было, по большому счету, всего два желания, выспаться и нормально пожрать.

– Так ты ешь – положив на тарелку жареную ножку Буша, несколько ложек оливье, а также, пару бутербродов, Наташа поставила ее перед ним. Алексей почувствовал, как на душе стремительно теплеет. Наташа вызвала симпатию уже не только

лишь потому, что у нее красивое личико, стройные ножки и все такое. А что, если она тоже ему симпатизирует? А то, что задирает свой маленький, слегка курносенький, носик, так это издержки переходного возраста. Ей же восемнадцать только осенью исполнилось. Что она, вообще, за человек?

Алексей ненадолго отошел по нужде. В коридоре курили Юра Зубко и Оксана. На обратном пути Леша стрельнул у них сигарету. Он курил, только, когда пил алкоголь или кофе, но это было, словно рефлекс у собаки Павлова.

– Шестакова смотрит на тебя, как кошка – сообщила Оксана – Чем ты ее так заинтересовал? Обычно, она такая зануда.

– Да уж, Леха умеет найти подход к женщине – Юра одобрительно хлопнул Алексея по плечу.

– Да, ладно.

– Ты там, если что, маякни, найдем место переночевать. Вам двоим.

– Может, у нее есть парень.

– Да, ты что, Леш! О чем ты говоришь? Какой парень? Целыми днями только и киснет над учебниками.

Когда он вернулся, на его месте уже сидел Женька Самохвалов и что-то втирал Наташке. Ах, вот как. Что ли, вывести его в коридор и настучать по голове? Самохвалов высокий, но, крепость мордочки от роста не зависит. Наташка что-то сказала Самохвалову.

– Все, все, Лех, я ухожу.

Самохвалов исчез.

– Что он хотел?

– Леш, ты что, не знаешь, он ко всем пристаёт.

Леша вспомнил, как однажды, здорово психанув, прямо перед строем набросился на командира отделения, здоровенного парня из Новосибирска. У него была расстегнута верхняя пуговица. Командир отделения вырвал ее, что называется, с мясом, а потом, куражась, пообещал поотрывать все прочие, чтобы Леша сидел, и пришивал. У Лехи потемнело в глазах. Он еще со школы не любил, чтобы над ним смеялись, а тут что-то на него такое нашло. Кажется, он несколько раз заехал тому весельчаку по голове. Тот, согнувшись, закрывал лицо руками. Леха стоял и

пытался пробить его по голове носком сапога, хотя, логичнее было бы пройти кулаками по печеночкам-селезеночкам. Потом его оттащили. В некоторых частях, вообще, то и дело махались стенка на стенку, вернее, рота на роту, а у них такое было всего один раз, да и то, сразу вписалась военная комендатура.

– А я думала, почему ты такой вредный – Наташа иронично улыбнулась.

– Что поделаешь, тяжелое детство, деревянные игрушки.

Первое время мать сокрушалась. «Отдала ребенка на два года в армию, обратно получила как после пяти лет зоны». Дуристики хватало. То напились не по детски, и ротный их долго склонял. А то двое ребяток нюхали клей БФ (Борис Федорыч), и Леха по неосторожности и по глупости принял участие в дегустации. Разок сунул нос в кулек, и все. Мелкий, почти на голову ниже, узбек тащил его до кровати, сокрушаясь, мол, как же так, парень из интеллигентной семьи, все с высшим образованием, бабушка профессор, а сотворил такую дурню. Не, про клей лучше ей не рассказывать, тогда, вообще, сочтет клиническим идиотом. Фаза имел обыкновение таскать в роту почти стоградусный спирт. Несколько борзолетов, внешне напоминающих классических «плохих парней» из голливудских боевиков, иногда попивали его после отбоя, закусывая, чем бог пошлет, а то и просто запивая сырой водицей. Как-то предложили выпить ему. Он выпил, ради интереса, и чтобы не сочли слабаком. Спирт обжег горло, но, в целом получилось довольно прикольно. Будет, чем похвастаться перед молодыми студентками, подумал он тогда.

– Это же надо, пить спирт. А я всегда считала, что и такое возможно только в кино.

Иногда случаются вещи и покруче, чем в кино. Как-то один собрат по оружию, за что-то вызверившись на Лешу, принялся размахивать ножом совсем рядом с его головой (и горлом, и сонной артерией). Леша сам не помнил, как это произошло, поскольку все произошло очень быстро. Он подставил левую руку под нацеленный в шею нож. Резкая вспышка боли, словно от удара кнутом. Пальцы, неестественно вывернутые в обратную сторону. Похожая на красно-черную трещину, рана, из которой обильно текла кровь. Грузин Беса и высоченный сибиряк Фаза, быстро

сориентировавшись, поволокли его в травмпункт. Там что-то вкололи и на скорой повезли в Железнодорожную больницу. Белая палата. Кроме него, никого нет. На левую руку наложен жгут. Алексей ждет хирурга. Боль совершенно не чувствуется, должно быть, это лекарство действует. Время течет как-то по-особому, словно его кто-то специально замедлил. Неужели он потеряет пару пальцев? Медсестра в приемном сказала, спасут, но, кто его знает, может, она сказала так, чтобы он не нервничал? Хирурга все нет, он на операции. Медсестра снимает жгут, больше часа его держать нельзя. Из раны на белоснежное белье обильно течет кровь. Леша нервничает. Вдруг он так и умрет от потери крови? Вот уж была бы глупая смерть. Нет. Такое может быть с кем угодно, только не с ним. А вдруг? Почему-то ему стало очень холодно. Леша звонит в звонок. Снова появляется медсестра. Хирургов все нет и нет. Операция затянулась. Жгут затягивать нежелательно, он ведь хочет, чтобы с рукой было все нормально? Вызвали еще одну бригаду хирургов. Ах, вот уже и они. Его перекадывают на каталку и везут в операционную. Анестезиолог спрашивает, хорошо ли он переносит новокаин. Рану на руке зашивали под местным наркозом. Он чувствовал только небольшое покалывание. Кажется, потом вкололи какую-то наркоту. Его охватила непонятная эйфория. Когда его везли на каталке в палату, ему казалось, что он едет по коридору, уходящему вдаль, а через потолок видны звезды. Наташка побелела, как полотно. Кто бы мог подумать, что она такая впечатлительная? Кажется, зря он рассказал ей про тот идиотский случай. Не, так-то в армии все было вполне нормально. Первые несколько месяцев только трудно, а так грех жаловаться. В последние пол-года их призыв устроил истинную дедовщину, когда слово деда — закон, и обжалованию не подлежит. Они же следили за порядком, не позволяя лицам с дурными наклонностями устраивать беспредел. Кое-кому из младших призывов пришлось надавать по голове, но, что поделаешь, если до некоторых все доходит только таким образом. Сами в этот период жили, как в санатории. Порой он ловил себя на мысли, что с удовольствием вернулся бы в то время или даже тогда, когда был еще только «черпаком». Тут надо напрягать мозг,

учиться, а там, солдат спит, служба идет, и никакой ответственности.

Не, ну, какого это было ей все рассказывать? А, такого. Пробить девчонку на жалость, попутно выставив себя героем – подсказал внутренний голос – Правильно действуешь. Она, между прочим, уже ведется. Плесни ей в бокал немного водки, так она еще сама будет к тебе приставать.

Наташа, не отрываясь, смотрела на него. Под кофточкой соблазнительно просвечивал бюстгальтер. Но, он старался туда не смотреть, а смотреть ей в глаза. Кажется, у нее немного потекла тушь. Ее губы.... Губы. Интересно, как она целуется? Какая-то сволочь, наверное, уже научила. Хорошо, если только этому. Хотя, девочка-отличница, да, непохожа она совсем на гулену. Неожиданно Наташа зашмыгала носом.

– Господи, Лешик, как же тебя так угораздило-то? У вас что там, вообще одни звери служили?

– Да, нет, ну, почему сразу звери? Говорю ж тебе, нормальные ребята. Разве, что некоторые немного диковатые, но, в армии они постепенно отесывались. Ты бы смогла за год с нуля выучить иностранный язык? А вот у нас некоторые личности, повиползавшие, непонятно, откуда, и поначалу не понимавшие ни бельмеса, уже через год вполне сносно говорили по русски. А с какими людьми мне довелось служить! Кстати, с Фазой, Макаром и Федей Юрченко бухали под Новый год. Конечно, в армии не обходилось без завихрений, но, чего не случается в благородном обществе.

Наташа осторожно потрогала шрам на левой руке.

– А сейчас рука не болит?

– Нет, только, в том месте мерзнет немного сильнее, но, это, когда уж совсем холодно.

Он приобнял Наташу за талию. Поцеловать бы ее, да, многовато людей в комнате.

Когда они спускались по лестнице, Юра Зубко рассказывал оставшимся анекдот. На совещании в НАТО английский генерал хвалится: «У нас есть зеленые береты. Каждый из них стоит троих пехотинцев». Поднимается американец: «Любой из наших морских котиков заменяет пятерых пехотинцев». Поднимается

старый генерал: «Это еще что. Вон, у русских есть такие секретные войска, им даже оружие не доверяют, так вот то звери. Стройбат, называется».

Они медленно, не спеша, шли по улице.

– Слушай, Леш, я так испугалась.

– Чего?

– Когда Самохвалов подсел ко мне, ты так злобно на него посмотрел. Я подумала, сейчас ты его покалечишь, и тебя из-за него отчислят из универа, да еще и посадят в тюрьму.

– И все это время ты будешь мне носить передачи.

– Да, ну тебя.

На улице никого не было. Мягкий свет фонарей освещал недавно выпавший снег. Впереди показалась станция метро. Пора. Сколько можно тянуть? Что будет, то будет. Развернув Наташу к себе, он стал целовать ее в губы. Она враз напряглась. Ее губы оказались плотно сжаты, словно створки раковины. Кажется, она не ожидала такого и явно не знала, что делать. Есть вещи, о которых не написано ни в одном учебнике. Но вот, меньше через секунду она прикрыла глаза, ее губы сделались мягкими, словно зефирины, и уже в следующее мгновение Леша почувствовал ответный поцелуй и сладковатый вкус губной помады.

17.11.2016.

Владлен КЛИМУШИНСКИЙ. Neкаýalar